

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Жизни и смерти. - 1992 - 17-24дек. (№ 50) - с. 2

«Покуда существуют гири...»

...22 декабря 1977 года в переполненной русской церкви на рю Дарю в Париже отпевали трагически погибшего Александра Галича. Приехали руководители и сотрудники «Континента» и «Русской мысли», журнала и издательства «Посев», писатели, художники, друзья. Пришли телеграммы от А. Сахарова и Л. Копелева, от ссыльных А. Марченко и Л. Богораз. «Хоронили на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, — писал впоследствии Виктор Некрасов. — И в этом было тоже что-то непонятное, несуразное. Не в Москве, где его знали, любили, слушали, собравшись у друзей, не в России, поощей его песни везде — в глухой тайге, на Курилах, в знатных домах, в общажитиях, в тюрьмах и лагерях, — а здесь, в Париже, на тихом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа...».

И дата — не то чтобы очень круглая. И дела вокруг такие, что — не приведи Бог! К месту ли вспоминать? А между тем вспомнить надо.

Потому как живы, живы герои и персонажи стихов и песен Александра Аркадьевича! А вот хорошим людям не живется что-то на белом свете. Ни здесь — в России, ни там — в эмиграции, не стало вот таким же слякотным декабрем Андрея Дмитриевича Сахарова. Убит отец Александр Мень. Скончались прекрасные русские писатели Венедикт Ерофеев и Сергей Довлатов. Актер Евгений Евстигнеев.

А вот «власти предержажие» живучи! Ну кто бы мог подумать, сколько поколений окажутся современниками Молотова и Кагановича! Да что эти! Вон и многие «бывшие» товарищи опять на прежнем месте, только оно иначе называется. Первыми притаились, первыми и вылезли на свет Божий. Где — еще только горланят у съездовских микрофонов, а где — уже и сажают за инакомыслие.

Нет, что-то неладное творится в наших далеко не датских королевствах.

И приходят на память знакомые строчки Александра Галича:

И не поймешь, кого казним,
Кому поем хвалу?
Идет Кузьма Кузьмич Кузьмин
По Царскому Селу.

Господи, да как же это мы раньше-то не разглядели? Это ж на его шляпу слетает пыльца с царскосельских тополей! Это же все он, «выпив рюмку хлебного» или «стопку чистого», а то и «хлопнув сто «молдавского», спешит сегодня «известить всех, кому положено». Да, это он, любезный нашему сердцу, «бессмертный Кузьмич»! Он — на трибуне. И он же — в магазинной толчее. А это — мы. Читающие его книги. Слушающие его речи. Жмущие его руку. И кто это выдумал, что виноваты в России все, кроме народа? Может, в какой другой стране — все так. А здесь — никого виноватее не было и не будет. Это ж все у нас:

Что ни день — фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Эх, как бы так ухитриться, чтобы хоть руко-то Кузьмичу не жать? Но нет! И жмем. И молчим. Всплеснулось, правда, что-то в августе прошлого года, да стихло. Нет, не выдавить нам из себя раба. Ни по капле, ни каким иным способом. Впрочем, «по капле и есть — по капле: пользительно и хитро».

Ах, забыть бы и вправду дурные пророчества, Истребить бы в себе восхищенье холопье... А может, зря все это? Может, и впрямь, «Как объелись чечевичной баландой — Так не в силах до сих пор отдышаться?»

...Но ведь совсем недавно, в любое время дня и ночи, можно было прийти со своей болью и бедой в сахаровскую квартиру. А можно было сесть на электричку и поехать в сторону от Москвы, чтобы попасть в «тот единственный дом, где с куполом синим не властно соперничать небо», в «дом» отца Александра Менья. Нет, не зря, видно, написал Галич: «если долетит хоть один, если даже никто не долетит, — все равно стоило, все равно надо было лететь...».

И вспомнилось мне по этому поводу одно большое стихотворение Александра Аркадьевича, названное им весьма скромно: «Пейзаж». У стихотворения этого имеется своя предыстория. В Серебряном Бору, у въезда в дом отдыха артистов Большого театра, стоял деревянный столб, на котором были нанесены деления от единицы до семерки. К верху столба было приделано колесико, через которое была пропущена толстая проволока. Один ее конец уходил в землю, а к другому была привязана тяжелая гиря. Сторож дома отдыха так объяснил это Галичу: «Это, Александр Аркадьевич, говномер. А проволока подведена к яме ассенизационной. Уровень повышается — гиря понижается. И как она до пятерки-шестерки дойдет, — тогда беда: надо золотариков вызывать!». «Мне показалось это творение русского умельца, — писал Галич, — не только полезным, но и весьма поучительным». Так и родился этот философский этюд:

Все было пасмурно и серо,
И лес стоял, как неживой,
И только гиря говномера
Слегка качала головой,
Не все напрасно в этом мире
(Хотя и грош ему цена!),
Покуда существуют гири
И виден уровень говна.

Нет, не живется что-то хорошим людям на белом свете. Умирают они всё больше — до срока. Кто — от инфаркта, Кто — в автокатастрофе. А скорее всего от того, что в одиночку несут этот непомерно тяжелый крест за всех нас. И несут-то ради одного дня, когда бессмертный Кузьма Кузьмич Кузьмин, «хлопнув сто «молдавского», подойдет к своему письменному столу, чтобы в очередной раз известить всех, кому положено». И возьмет чистый лист бумаги. И ручку.

И в ручке его вдруг не окажется ни чернил, ни крови.

Алексей ГЕЛЕЙН.